

Essay Reviews

Стилистика и риторика в их взаимоотношении

МАРГАРИТА Н. КОЖИНА
(Пермь)

В связи с возрождением риторики и образованием отечественной неориторики примерно в 70-80-х гг. XX в. стали говорить о кризисе стилистики. Риторика как научная и практическая дисциплина, с одной стороны, как бы «поглотила» стилистику, с другой – вытеснила последнюю. Во всяком случае такая ситуация обнаруживается при анализе публикаций последних лет по этим дисциплинам. Нередки случаи и взаимозамен терминов (ср. номинацию фигур речи как стилистических и как риторических) и вообще неоднозначное употребление терминологии, а главное – отсутствие ясности в определении предмета и объекта этих дисциплин, их соотношения. Естественно, этому способствовала история развития соответствующей области знания, чего нельзя не учитывать говоря о взаимоотношении указанных дисциплин.

Об актуальности самого вопроса, взятого в качестве заголовка статьи, свидетельствуют и некоторые попытки российских и зарубежных ученых выяснить указанное взаимоотношение (Ф.Данеш, Й.Краус, О.Б.Сиротинина, Т.В.Шмелева, Н.И.Формановская и др.). Так, Ф.Данеш, говоря о том, что оба термина – *риторика и стилистика* – уживаются одновременно в настоящее время, отмечает: «взаимоотношение обеих дисциплин не выяснено; и хотя вопрос является во многом «классификационно-терминологическим» важно, по мнению ученого, его научно и системно исследовать (Данеш 1995: 232).

При рассмотрении названного вопроса существенно учитывать структуру современной стилистики и ее основные направления – традиционную стилистику языка («стилистику ресурсов») и функцио-

нальную стилистику (учение о функциональных стилях), так как лишь первая обычно имеется в виду при сопоставлении ее с риторикой (общей риторикой). Поскольку учение о функциональных стилях формируется лишь в середине XX в., отражая один из этапов в историческом развитии стилистики, а риторика имеет давнюю и сложную историю, то невозможно рассмотрение интересующего нас вопроса вне учета истории названных дисциплин.

Об истории развития риторики имеется богатая литература¹, однако для раскрытия нашей темы достаточно дать краткий схематический экскурс, акцентируя вопрос на значении терминов-понятий *риторика* и *стилистика*.

Тот же Ф. Данеш отмечает, что этимология названий старых классических дисциплин *стилистика* и *риторика* показывает, что первоначальным предметом первой была письменная речь, а второй – речь устно-разговорная (Данеш, там же), то есть они не были тождественными по предмету изучения и следовательно неоднозначными. Хотя, забегаая вперед, следует отметить (о чем и говорит чешский ученый), что в американской лингвистике термин *риторика* употреблялся в случаях, когда в европейском языкознании использовался термин *стилистика*; таким образом, номинации оказались взаимозаменяемыми.

Собственно говоря, уже в античных риториках были, если можно так выразиться, генетически заложены ростки современной ситуации с рассматриваемыми дисциплинами. Риторика характеризовалась синкретичностью, а ее предмет и задачи, ее определение не были однозначными у разных авторов и постепенно менялись. Если для Аристотеля риторика это искусство убеждать, то для Горгия – добиться во что бы то ни стало победы в споре. Для Квинтилиана, риторика – это искусство говорить хорошо (ср. современную культуру речи). Говоря о задачах обучения риторике Цицерон развивает целый ряд требований: оратор должен уметь изобрести, расположить, украсить, изложить известным слогом содержание речи (впрочем, эти требования к искусству речи представлены и в других риториках).

Известно, что классическая риторика как сложившаяся дисциплина состояла из пяти частей: инвенция (изобретение мысли-речи), диспозиция (расположение речевого материала), элокуция (выражение, стилистическое оформление речи), память (запоминание), произнесение. Здесь риторика понимается широко и включает в себя вопросы стиля.

Собственно стилистическим был раздел *elocutio* и частично – *dispositio* (некоторые положения которого, с точки зрения современной стилистики текста, восходят к античности)². Общая риторика и в более позднем ее варианте определяется как наука о законах изобретения, расположения и выражения мыслей; при этом частная риторика изучает и описывает построение разных видов текста по жанрам (не только устной, но и письменной речи). Если проследить более позднее развитие риторики (и на русской почве, и за рубежом – в Европе), то следует отметить, что в ее русле рассматриваются вопросы не только стилистики и поэтики, но и литературного языка (в период становления национальных литературных языков: их норм и функционирования, чистоты, взаимодействия с различными ответвлениями общенародного языка и другими языками).

Напомним и акцентируем тот момент, что для античной и классической риторики первостепенным был аспект изобретения мыслей и содержания речи, а уж затем «выбор» соответствующего стиля (для достижения большей эффективности речи). См., например, у Аристотеля почти постоянное подчеркивание примата содержания: «... согласно естественному порядку вещей поставлен был вопрос о том, что по своей природе является первым, т.е. о самих вещах, из которых вытекает убедительное; во-вторых, о способе расположения..., в-третьих, то, что имеет наибольшую силу – вопрос о декламации (стиле)»; «стиль... имеет небольшое значение, потому что для выяснения чего-либо есть разница в том выразишься ли ты так или этак; но все-таки [значение это] не так велико [как обыкновенно думают] все это относится к внешности и касается слушателя» (*Риторика*. Кн. 3: С. 127-128) [Разрядка наша – М.К.]. Характерно, что говоря о том или ином стиле (величественном, изящном, мощном) или о качествах речи, или об употреблении фигур, Аристотель неизменно отталкивается от сущности предмета речи.

Цель же и назначение риторики Аристотель, как и многие другие авторы риторики античности, видел в поисках истины, в «убедительности речи», «доказательности доводов», ибо «риторика существует для вынесения решения (*crisis*)» (*Риторика*, Кн. 2: с. 71), а стиль при этом способствует силе убеждения, усилению доводов (151, кн. 3). То есть стиль выступает как важное, но подсобное риторическое средство убеждения.

Следует подчеркнуть и еще один важный момент: моральные основы, нравственное начало – «чтоб речь была доказательной и возбуждающей доверие» (*там же*, с.71).

Как видим, риторика – это наука не только собственно о языке и речи, но и о мышлении (его логичности, доказательности) и общении (убеждении, воздействии на аудиторию). При этом, конечно, следует помнить о понимании логоса в античности как неразрывного единства: слова-мысли³.

Иначе говоря, риторика и вначале, и в ходе своего исторического развития вплоть до XVIII-XIX вв. была отраслью знания чрезвычайно многоаспектной и синтетической. Постепенно по мере процессов дифференциации гуманитарного знания, от нее отпочковались и развились в качестве отдельных научных дисциплин стилистика, поэтика, культура речи, история литературного языка, лингвистика текста и др. Однако границы между ними остаются долгое время нечеткими, а терминологические обозначения варьируются, а иногда взаимозаменяют один другой.

В связи с этим приведем мнение Ф.Данеша, который отмечает: «Интересно, что между тем как античная риторика включала в себя стилистику (*elocutio*), некоторые современные европейские исследователи понимают наоборот стилистику как прямую наследницу риторики, либо как неориторику». (Данеш 1995: 232).

Следует сказать, что в *elocutio* как разделе риторики, касающемся стиля, рассматривались в основном три аспекта: вопросы разных стилей (простого, возвышенного и др.), тропов и фигур как средств усиления выразительности убеждающей речи), а также – качеств речи (ясности, точности, уместности, красоты и т.д.). Симптоматично, что уже в античных риториках ставятся вопросы, пользуясь современным термином, речеведческого плана: употребления языковых и стилистических средств (особенно их уместности в разных родах речений и жанрах, контакта со слушателем в контексте речевой ситуации («Речь слагается из трех элементов – из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается» – Аристотель, *Риторика*. Кн. I) и др. Справедливости ради следует отметить, что хотя проблемы стиля изначально были представлены уже в античных риториках⁴, стилистика как самостоятельная дисциплина, формируясь в недрах риторики, позже выходит из ее сферы. Этот процесс явственно обнаруживается в Западной Европе⁵; он прослеживается и

в России. Как известно, в своих трудах по риторике М.В.Ломоносов рассматривает вопросы соотношения исконно русских и церковнославянских языковых единиц с точки зрения стилистики и употребления их в литературном языке. Недаром В.В.Виноградов, отмечая заслуги М.В.Ломоносова в филологических трудах по риторике, т.е. теории прозы, красноречия, говорит о том, что им «были заложены основы стилистики русского языка» (Виноградов 1963: с. 212).

Знаменательно, что в конце XVIII – первой половине XIX в. именно в риториках И.С.Рижского, Н.Ф.Кошанского, А.И.Галича и др. большое место занимают вопросы чистоты речи и стиля. Не случайно Л.К.Граудина отмечает, что «Риторика Рижского была приближена к практической стилистике» (422), а в «Общей риторике» Н.Ф.Кошанского в центре внимания автора – категория стиля, именуемая слогом» (422); К.П.Зеленецкий же, отказываясь от учения об изобретении, детально разрабатывает раздел *О чистоте письменной речи русской в лексическом отношении*. Таким образом, риторика «все в большей степени обращалась к практической стилистике и культуре речи» (Граудина 1997: 422).

И когда ко 2-й половине XIX в. риторика была вытеснена стилистикой, в единственно процветающем тогда русле ораторского искусства – судебном красноречии – наблюдается интерес к вопросам стиля и (что симптоматично!) к психологии речи (См. у П.Сергеича в книге *Искусство речи на суде* главы *О стиле, О психологии речи*).

Таким образом, к завершению периода классической риторики в процессе дифференциации гуманитарного знания от нее отпочковывается ряд новых научных дисциплин, но что характерно: очертания риторики, ее понимание и определение предмета при этом не уточняются⁶.

В настоящее время риторика (неориторика) разными авторами определяется по-разному и, как ни странно, объем понятия ее не сужается, но еще более расширяется: она не только взаимодействует с рядом смежных наук (часть из которых она же и породила; во всяком случае «зародыши» их явно обнаруживаются уже в античных риториках), но и вбирает в сферу своего изучения (в свой предмет, а не только объект) многие аспекты гуманитарного знания, исследуемые другими научными дисциплинами.

Таким объектом изучения в современных работах по риторике являются вербальные стратегии в политической деятельности, в

частности – пути завоевания власти; принципы и приемы манипулирования массовой аудиторией – с учетом психологии последней; диалектика и логика мышления; речевые гармонизация и агрессия в связи с разновидностями национальной культуры и менталитета социума; проблемы речевого поведения (иногда вплоть до включения в риторику многих аспектов этологии)⁷; проблемы речевого общения в разных сферах деятельности и с различными стратегиями; вопросы жанроведения; зависимости речи от социального статуса говорящих, их мировоззрения и нравственности (в связи с речевым общением); риторике придают силу инструмента формирования личности, рассматривают ее как методологию гуманитарного знания, к ней относят и многие другие отнюдь не только собственно языковедческие, но и лингвопсихологические, социолингвистические, лингвокультуроведческие, лингвопрагматические, этические, этологические, мировоззренческие и другие проблемы.

Конечно, многие из этих аспектов как бы в зародыше были представлены в классической, античной риторике. И это закономерно в связи с синкретичностью гуманитарного знания того времени. Но как объяснить и принять это в отношении современной риторики? Известно, что в связи с развитием функционально-коммуникативного направления в лингвистике и антропоцентрических тенденций в ней формируется ряд новых, речеведческих по сути, дисциплин, изучающих различные аспекты речевой деятельности, речевого общения и поведения человека. Как отмечено, многие из них относятся к риторике, считаются риторическими проблемами. По существу риторика понимается как наука о речевом общении и поведении в самом широком смысле и оказывается предельно синтетичной, вплоть до неопределенности своего предмета исследования.

В конечном счете, в период ренессанса отечественной риторики, последняя далеко выходит за пределы трех основных традиционных направлений исследования: изобретения мыслей, организации языкового материала в связи с проблемой аргументации; орнаментального раздела, близкого поэтике (оставляем в стороне вопросы практической риторики устной речи).

В сложившейся ситуации особенно актуальны попытки строгого определения предмета риторики на фоне смежных дисциплин, ее соотношения со стилистикой. Не случайно в связи с этим проведение

конференций и осуществление публикаций на тему «предмет риторики»⁸.

Сопоставим определение предмета и объекта современной риторики у разных авторов:

Риторика это «филологическая дисциплина, объектом которой является *теория красноречия* (ораторское искусство), способы *построения выразительной речи* во всех областях речевой деятельности (прежде всего в разных жанрах письменной и устной речи). Близко соприкасается с поэтикой, стилистикой и культурой речи» (Граудина 1997, 420).

«Риторика – это учение о *развитии мысли в слове*. Сюда равно относится и *инвенция* (изобретение) и *элокуция* (выражение изобретенного в слове). Опорой риторики (как учения о семантизации) является *понятийная структура* речи, которая дополняется эмоциональной *выразительностью* и *эмоциональным воздействием* на слушателя или читателя... Дидактическим центром риторики является красноречие. Оно образует образ оратора, тип красноречия...; (Рождественский 1997: 77-78)⁹. В другом месте автор, называя современную научную риторику учением о речи (теорией речи), так определяет ее функции и задачи – «общественное управление, формирование морали, нравственности и этики, формирование стиля, исследование психологии речетворчества» (*там же*, 94-95).

«Предмет общей риторики – построение *целесообразных, обоснованных, правильных публичных высказываний*» (15). «Главная задача риторики – *научить мыслить и выразить мысль в слове*. «Частная риторика изучает формы – виды и роды словесности в их историческом сложении и составе произведений». «Риторику в наше время понимают как *теорию ораторского искусства*» (Волков 1998: 11, 15).

«В современной поэтике и семиотике термин риторика используется в трех основных значениях: а) лингвистическом – как *правила построения речи на сверхфразовом уровне...*; б) как дисциплина, изучающая «поэтическую семантику» – типы переносных значений, так называемая «*риторика фигур*»; в) как «*поэтика текста*», раздел поэтики, изучающий внутритекстовые отношения и социальное функционирование текстов как целостных семиотических образований. Этот последний подход...кладется в современной науке в основу «общей риторики» (Лотман 1995: 92).

«Риторика – теория и практическое мастерство *целесообразной, воздействующей, гармонизирующей речи*» (Михальская 1998: 203). «Риторика дает общую познавательную модель. Это *способы мыслить, рассуждать о предмете (топы), а не только формы речи. Отсюда цель – находить истину в споре*». (Михальская 1996: 6, 21). «Предметом теории современной общей риторики являются общие *закономерности речевого поведения, действующие в различных ситуациях общения, и пути оптимизации речевого общения*». Что касается «современных частных риторики», то их задача – «совершенствование речевого общения в так называемых «сферах повышенной речевой ответственности» (таких, как дипломатия, ... педагогика и юриспруденция, организаторская деятельность, ... журналистика, услуги и пр.)» (Михальская 1998: 204).

«Риторика, изучающая целесообразную речь», понимается Е.Н.Зарецкой как «важнейший компонент науки и искусства *речевого общения*», но при этом «Риторика в широком смысле слова есть некий *тип филологического мировоззрения, который составляет часть духовной культуры человеческой цивилизации. Это методология гуманитарного знания... Риторика является культурной основой знания и социальной деятельности...*» (Зарецкая 1998: 3-4).

«Риторика – учение о *воспитании личности* через речь.

... Риторические новации предполагают создание привлекательного стиля. Эффективность и уровень жизни (как материально-технический, так и духовный) зависит в конечном итоге от организации и качества общественных речей. Культура личности связана с нравственной самооценкой и интеллектуально-словесным багажом человека» (Аннушкин 2000: 8-9). В другой работе В.И.Аннушкин дает более краткое определение, вслед за К.П.Зеленецким утверждая, что «*Предметом риторики является р е ч ь*»¹⁰.

«В традиционном понимании риторикой называют ораторское искусство, *искусство убеждать с помощью слов*». «Риторика ... триедина ... *искусство убеждать с помощью слов, наука об искусстве убеждать с помощью слов и процесс убеждения, основанный на моральных принципах*» (Хазагеров, Ширина 1999: 3-4). [В цитатах курсив наш. – М.К.].

Даже и приведенных определений достаточно, чтобы говорить, во-первых, о неоднозначности определения риторики, во-вторых, о чрезвычайной широте ее понятия. Если, как говорилось, риторика

античности синкретически заключала в себе все основные дисциплины гуманитарного знания, то в конечном счете она, несмотря на выделение из нее ряда дисциплин, не стала более одноплановой. Напротив. Ср.: «неориторика родственна лингвистической прагматике, коммуникативной лингвистике и пр.; *эти молодые науки* по сути представляют собой *дисциплины риторического круга*; их теоретический аппарат также во многом восходит к системе понятий древней риторики».(Михальская 1998: 204). [Разрядка наша. – М.К.]

Однако, как справедливо замечает О.Б.Сиротинина, «современная риторика не является единственной наукой об общении, а лишь одной из составляющих системы наук» (Сиротинина 1998: 54). Если одно время риторика как бы растворилась в новых науках об общении, то сейчас в период ренессанса риторики «важно определить, что составляет предмет риторики и ее объект» (Сиротинина 1998: 50). Кстати, отметим противоположность мнений указанных авторов по вопросу соотношения риторики и новых смежных дисциплин: с точки зрения А.К.Михальской это дисциплины *р и т о р и ч е с к о г о* круга, с точки же зрения О.Б.Сиротининой, риторика – лишь одна из составляющих целой системы наук об общении¹¹.

В последнее время в связи с активизацией изучения проблем собственно речи и речевого общения, формирования целого комплекса дисциплин речеведческого профиля, риторика обычно включается в круг этих дисциплин (см. Кожина, Шмелева, Формановская и др.), каждая из которых имеет все же свой более узкий предмет исследования (см. Формановская 1999), хотя они очень тесно взаимодействуют и даже пересекаются. Вместе с тем есть тенденция отдать на откуп риторике изучение речи вообще, во всем разнообразии ее аспектов.

Этот вопрос имеет прямую связь с вопросом соотношения риторики со стилистикой, в частности, с современным пониманием предмета риторики, а именно его шириной. Как раз по всем параметрам, демонстрирующим широту определения современной риторики, стилистика явно отличается от нее.

Рассматривая соотношение стилистики, риторики и культуры речи, О.Б.Сиротинина хорошо намечает основные различия: объект культуры речи «**как надо**» строить речь (какие нормы следует соблюдать), объект функциональной стилистики – «**что есть**» в разных сферах речевого общения, как в них функционирует язык, а объект

риторики «как лучше добиться мастерства речи», эффективного общения, «теория мастерства – ее предмет» (Сиротинина, 51-52). Однако это лишь самые общие ориентиры для решения вопроса.

В действительности риторика и стилистика имеют и сферу совмещения, пересечения своего объекта, и области неадекватные, различающиеся. Это можно изобразить:

$$\begin{array}{ccc} \text{формулой: } P \neq C - (P + C) - C \neq P. & & \\ \text{(не равна)} & & \text{(не равна)} \end{array}$$

Иначе говоря, и у риторики и у стилистики есть **свой** круг проблем и категорий, рассматриваемых лишь одной из этих наук, т.е. свой у каждой предмет исследования. У них есть, кроме того, и общие вопросы, например: эффективность речи (текста), выразительность речи, принципы выбора языковых средств, связь содержательного плана речи с языковым, диалогичность, речевое оформление вида словесности и жанра, понятие и реализация цели и высказывания, образ автора и др., – но рассматриваемых, однако, в каждой со своей точки зрения.

Итак, какие проблемы и аспекты исследования, входящие в круг неориторики, не являются стилистическими? И тем самым позволяют говорить (в этом аспекте) о неадекватности риторики и стилистики. Отчасти это было уже показано выше при демонстрации определений риторики. Суммируем их здесь, расширив несколько характеристики в сопоставлении со стилистикой.

Проблема «изобретения мыслей», то есть аспект мышления (рече-мышления), в том числе изначально риторическая проблема так называемых общих мест (топика) как категорий содержания речи – это специальная проблема риторики, но не стилистики. Она предполагает и само знание общих мест, и учет степени знания их аудиторией¹².

Реализация логики доказательства, аргументация – логико-грамматическая проблема, лишь косвенно относящаяся к стилистике. Не случайно, что из античной риторики выделяется впоследствии логика. Уже Аристотелем создание логики мыслилось (и реализовалось) как разработка методов опровержения софистических доводов и создания теории аргументации. Проблемы этики и нравственности в риторике, как известно, составляют существенные параметры ее объекта. Таково, в частности, и понятие риторического идеала – историческая культурно-нравственная категория (Михальская 1996). Для стилистики этот аспект не является специальным предметом исследования, хотя

и учитывается при построении и анализе текста. Для риторики же важна, даже обязательна оценка нравственной стороны речи и учет нравственных основ аргументации и целей говорящего (оратора), как и характеристика в этом плане его личности.

Актуальные для современной риторики проблемы искусства управления обществом посредством речи, общественного регулирования, вообще проблема связи с общественностью (в том числе и проблема манипулирования общественным мнением), а также проблемы риторики как инструмента формирования личности – весь этот комплекс проблем как специальный, демонстрируя цели и задачи риторики, отнюдь не входит сам по себе в круг задач стилистики.

Таким образом, из пяти частей классической риторики действительно лишь *elocutio* (и отчасти *dispositio*) составляет то звено, где совмещаются стилистика и риторика. Но в силу того, что предмет изучения, цели и задачи риторики значительно шире стилистики и вообще отличаются от последней, даже и в этой общей области нет тождества: в постановке и задачах исследования. Кроме того, понимание современной стилистики, как и современной риторики, заметно изменилось, по сравнению с пониманием последней в классический период; поэтому то, что составляло предмет *elocutio* не адекватно полностью предмету стилистики в наше время.

Так, если *elocutio* в основном сосредоточивалось на вопросах употребления тропов и фигур как средств создания красивой, выразительной речи, а также других средств для достижения чистой, ясной, убедительной речи и в целом эффективной, воздействующей на аудиторию, то в наше время это лишь один круг проблем (причем не только стилистики, но и культуры речи как особой дисциплины), составляющий предмет одного из направлений современной стилистики, а именно стилистики языка («стилистики ресурсов»), повернутой в плоскость практической стилистики.

Другое ее направление – функциональная стилистика – не только изучает и описывает лингвостилистические характеристики различных речевых разновидностей (от функциональных стилей до жанровых и других), но и пытается объяснить причины закономерностей функционирования языка в той или иной сфере (типе текстов) в зависимости от ее глубинных экстралингвистических основ; специфику и принципы формирования стилистико-речевой системности текстов и другие вопросы. Все это не является собственным предметом

риторики, хотя она, конечно, учитывает данные функциональной стилистики и опирается на них в так называемых частных, практических риториках.

Уже в античных риториках стиль, стилистические явления рассматриваются как средства достижения наилучшего результата в составительной речи, ибо в жизни Афин «умение убедительно говорить определяло судьбу человека», «степень влияния на умы и чувства граждан во многом зависела от искусства красноречия», т.е. существовал своего рода «социальный заказ» на умение убедительно говорить (Панов 1998: 221). При этом не просто красиво и возвышенно, например с помощью фигур, что «может усладить, но не отыскать истину». Искусство убеждения было прежде всего актуально для ораторской устной формы речи; для художественной же – более красота, украшения. Итак, стиль речи способствовал наилучшему достижению цели оратора, его воздействия на аудиторию.

Таким образом, для риторики, в том числе современной, стиль (стилистика) – это средство в цепи: говорящий – искусная речь (содержание и стиль) – слушающий; это один из инструментов достижения цели общения.

Цель риторики, ее предмет – **убеждение** слушающего посредством искусной речи, побуждение к действию (в том числе ментальному), **воздействие** на него в процессе общения для достижения максимальной эффективности речи и общения. Поэтому современную риторику вернее определять не как науку о **речи** вообще и даже не только об эффективной, воздействующей **речи**, если речь понимать в духе традиционной лингвистики. Речь – это не цель (предмет), а лишь средство (как и стиль) достижения риторической цели. Иначе, для риторики речь – это объект (а не предмет) изучения.

Речь настолько сложный и многоаспектный феномен, что не может быть предметом какой-либо одной науки. Поэтому она и изучается целым рядом наук: от лингвистики до психологии и философии, но и в комплексе языковедческих дисциплин, изучающих речь (о чем – см. ниже), каждая из них исследует ее со своей определенной стороны. В связи с чем и нельзя сказать, что риторика (или стилистика) изучает **речь** вообще, каждая из них находит в речи свой предмет.

Вернее сказать, что современная риторика – это наука об эффективном достижении посредством искусной речи целей общения. То есть наука не столько собственно о речи¹³, сколько о речевом общении (в

кругу целого ряда современных наук об общении) и даже речевом поведении. Стилистика же изучает, помимо стилистических ресурсов языка и правил их использования в речи, еще и принципы построения речевых произведений (текстов), относящихся к разным сферам общения и жанрам, их специфику и структурно-речевую системность, а также причины той или иной их лингвостилистической структуры. Риторика, обращаясь к построению высказывания, не изучает специально сами по себе эти вопросы, но лишь учитывает стилевые нормы разных видов речи и жанров с точки зрения целесообразности их использования для достижения эффективности общения. Если для стилистики важно **как** говорить (писать), то для риторики, кроме того, и **что** говорить, причем в каждом конкретном случае. При этом языковые средства, содержание и стиль речи (как и речевая ситуация и другие факторы) оцениваются сквозь призму достижения целей и результативности речевого общения.

Можно сказать, что риторика, пользуясь стилем как средством, более прагматична, чем стилистика – наука собственно лингвистическая, поскольку цель речи с точки зрения риторики не может быть достигнута только собственно стилем речи, при этом требуется учет еще целого ряда факторов (поиска подходящих мыслей (топосов), их аргументация, знание правил ведения диалога, психологии и социального статуса аудитории, хорошее владение предметом речи, понимание ситуации – не только речевой – и многое другое).

Здесь можно провести аналогию с высказыванием Г.О.Винокура о том, что при изучении художественного произведения, последнее может быть источником для истории литературного языка и исторической стилистики как науки лингвистической, так как здесь объектом является «самый язык, а не то, что выражено в языке», в том числе находящейся выражение в языке личности пишущего. Последний случай составляет предмет другого рода исследования, выходящего за пределы лингвистики (Винокур 1959: 233, 243). Правда, в связи с развитием в последние десятилетия антропоцентрических идей в лингвистике происходит расширение объекта ее исследования – не только строя языка, но и речи (в лингвистике речи, речевидении). При этом расширяется и объем понятия «речь».

Более конкретно различие риторики и стилистики предстает – даже в совмещенной их предметной области – следующим образом. Проведем сопоставление «статуса» и назначения некоторых кате-

горий, общих для стилистики и риторики, но неадекватно «выступающих» в той и другой.

Выше уже отмечено, что важнейшее для риторики понятие эффективности речи – это достижение конкретной цели говорящего (пишущего) посредством воздействия на реципиента, убеждения его принять желаемое первому решение, добиться результата (изменить его мнение, поведение или картину мира). Достигается это прежде всего содержанием речи (умением выбрать «общие места», топы и убедительные для данной аудитории доводы), всем строем речи, а также хорошим знанием социально-психологических характеристик аудитории (или конкретного адресата), ситуации общения (всего ситуативного контекста) и, конечно, всем строем речи, включая специальные выразительные средства.

Способы и условия достижения эффективности речи, таким образом, многоаспектны, включают в себя не только языковые, но и разнообразные внеязыковые факторы¹⁴. Достигнуть эффективности высказывания в процессе общения и оценить ее невозможно лишь с чисто лингвистических позиций, языковых характеристик речи. Показательны в этом плане советы риториков ученикам: «Если вы выступаете вторым, то существуют два варианта начала речи. Можно сразу доказать свою точку зрения, не принимая в расчет то, что говорит оппонент. Этот порядок выигрышный, когда вы уверены в неуязвимости своей аргументации. У вас есть чем удивить аудиторию, и атмосфера благоприятствует вашей позиции» (Зарецкая 1998: 271); «Если вы предполагаете явное противодействие со стороны незаинтересованных лиц, дайте фундаментальное обоснование своих взглядов, ошеломите слушателей оригинальным теоретическим доказательством, удивите логичностью обоснования» (*там же*, 269).

Причем об эффективности можно говорить лишь применительно к конкретному высказыванию (тексту, речи) в определенной речевой ситуации, учет параметров которой (иначе ситуативного контекста) и позволяет дать оценку эффективности. Такой важнейший признак речи, как ее конкретность существен для риторики, она имеет дело с конкретными объектами (высказываниями, текстами). По этому признаку *риторика отличается от стилистики*, изучающей как стилистические окраски языковых единиц вообще, выразительные средства языка, так и функциональные разновидности речи в обобщенном, типизированном плане: характер речи, ее стилевую

системность более или менее регулярно представленную в определенных социальных сферах общения. (Кстати, по оппозиции: обобщенность, типизированность – индивидуальность, конкретность стилистика отличается и от поэтики).

Конечно, стилистика не элиминируется от указанных признаков и компонентов экстралингвистического контекста и речевой ситуации, но для риторики эти факторы имеют самостоятельную ценность, составляют содержательный план ее предметной области; при этом «вычисляются» всякий раз заново при подготовке и реализации высказывания (текста).

Итак, эффективность речи с точки зрения риторики рассматривается, во-первых, применительно к конкретной ситуации общения; во-вторых, с одинаковой значимостью для оценки эффективности не только стилистико-языковых, но и всех характеристик речевой ситуации (факторов ситуативного контекста), включая – что важно! – само содержание речи. Так, в одном из учебников по риторике в качестве примера значения этой науки и оценке эффективности/неэффективности речи говорится, что неудачи политики молодых реформаторов современной России были связаны с тем, что они не учли требования риторики, а именно не разъяснили внятно обществу целей и задач проводимых реформ, их значимости. Это уже касается собственно содержания речи и речевого поведения.

В результате получается, что стилистико-языковой аспект речи составляет в объекте риторики лишь одну из его сторон. Стилистика же, учитывая параметры речевой ситуации, ее невербальный контекст, во-первых, исследует речевые явления обобщенно, типологически, во-вторых, главное внимание обращает на языковую «ткань» текста и его речевую системность. Экстралингвистические факторы интересуют ее не сами по себе, а как средство определения и объяснения характера речи, ее стилевой специфики и системности. Эффективность речи здесь – это соответствие последней стилевым нормам того или иного функционального стиля (или подстиля, жанра и других функционально-стилевых разновидностей). Тем самым в аспекте стилистики эффективность речи рассматривается в более обобщенном и, если так можно выразиться, в более лингвистическом аспекте, чем в риторике.

Можно отметить и третье отличие: содержание экстралингвистической базы и круг основных внелингвистических факторов, актуаль-

ных для функциональной стилистики, не вполне совпадают с экстралингвистическим контекстом риторики (особенно в плане их приоритетности). Если для риторики важен конкретный ситуативный контекст и прагматические установки говорящих, то функциональная стилистика, учитывая, в общем, эти факторы, базовыми, однако, для определения и характеристики стиля речевых разновидностей (функциональных стилей, подстилей и т.д.) считает сферу общения, обусловленную единством той или иной формы общественного сознания и соответствующего вида деятельности и типа мышления, определяющих тип содержания речи и другие более частные факторы. Иначе, здесь прослеживается линия, идущая от языка как действительности мысли и использования (функционирования) языка в социально значимых сферах общения, соотносительных с теми или иными формами общественного сознания и деятельности человека (наука, искусство, политика, право, обиход); линия, определяющая весь последующий комплекс экстралингвистических стилеобразующих факторов¹⁵.

Из сказанного ясно, что если, например, содержательный план речи, само содержание, значимо для стилистики либо лишь как одна из сторон единства формы и содержания речи (преимущественно художественной и публицистической), либо как тип содержания, по существу как экстрафактор, соотносимый с тем или иным видом деятельности и формой сознания, то иная ситуация наблюдается в риторике. Здесь значимо именно конкретное содержание в конкретной ситуации общения. Ю.В.Рождественский, например, отмечает типичные ошибки (нарушения риторических норм) в судебном разбирательстве, когда содержание речи представляет «не разбор дела по существу», а реализует воспитательную функцию или когда в совещательной речи обнаруживается «обвинительный уклон» (Рождественский 1997: 351).

Обратимся к другим категориям и характеристикам речи в плане сопоставления стилистики и риторики, используя некоторые наблюдения и примеры Ю.В.Рождественского.

Такой признак, как диалогичность письменной речи, достаточно многосторонне изучен в стилистике текста: категориальный статус диалогичности, разновидности и функции диалогов, средства и способы выражения диалогичности речи в разных функциональных стилях – научном, публицистическом – и жанрах, реализация в

диалоге решения творческих задач, изменения в выражении диалогичности в тексте под влиянием фактора времени и т.д. Для риторики же значимыми оказываются не только языковые средства и способы выражения диалогичности, т.е. не только лингвистический аспект, а например, знание и соблюдение правил ведения диалога (время, очередность, персоналии – кому и в каком порядке предоставить слово). Ю.В.Рождественский, раскрывая задачи риторики применительно к диалогу, отмечает, что «хорошая организация дебатирования приводит к успеху, а плохая к провалу дела» (Рождественский 1997: 351, см. также: 339, 349); к успеху – то есть к достижению результата, эффективности общения как реализации риторической цели. Налицо различие подходов в оценке категорий и фактов речи. В риторике оценка идет сквозь призму эффективности достижения результата согласно целям общения, управления последним, когда в поле зрения попадает само содержание и аспект речевого поведения¹⁶. Характерны в связи с этим советы ратора: «Выступая первым, сначала докажите свой тезис, а в конце постарайтесь посеять сомнение в отношении антитезиса, слегка покритикуйте оппонентов»; «Обязательно включайте в свои рассуждения доводы сомневающихся (оппонентов) в выгодном для своего выступления ракурсе» (Зарецкая 1998: 269).

Рассматриваемые различия обнаруживаются и в подходе к выбору слов и других языковых средств (в частности, тропов и фигур). Выбор слова в риторике, по утверждению Ю.В.Рождественского, связан с изобретением идей, в стилистике же под выбором понимают скорее редактуру уже созданного ритором текста с точки зрения понятности и норм стилистики (1997: 248). Последнее, будучи актуальным для стилистики, хотя также актуально, но недостаточно для риторики; ибо выбор слов и других языковых средств осуществляется здесь сквозь призму конкретных целей и ситуации общения, наилучшего достижения результативности последнего (а значит и строгого учета прагматики высказывания и целого комплекса факторов достижения успешности общения).

При употреблении тропов и фигур ритор стремится посредством их выделить особенно значимые для него в плане достижения цели высказывания и общения – необходимые для данной речи смыслы. Относительно употребления повторов С.И.Гиндин, например, говорит: «Риторика рассматривала повторы как средство лишь

усиления выразительности...» (в отличие от лингвистики текста) – (1995: 130). Иначе говоря, тропы и фигуры служат здесь главной цели риторики – силе убеждения, воздействия на слушающих и анализируются и оцениваются с этих позиций. Стилист же рассматривает уместность тех или иных средств (в том числе тропов и фигур) в различных текстах с учетом их эстетики и соответственно нормам функционального стиля, жанра и т.д., он описывает классы средств, принятые в различных сферах общения, принципы их образования, их функции и т.д. (что особенно характерно для „стилистики ресурсов“).

Аспект изучения индивидуального стиля как будто совпадает у риторики со стилистикой, но в риторике этот анализ служит уяснению содержания конкретного текста, в стилистике – материалом для сравнений и типизации (Рождественский 1997: 236). Строго говоря, аспект этот представляет не столько стилистику, сколько поэтику. Кроме того, для риторики прежде всего важна морально-нравственная сторона оратора, это должен быть «добродетельный муж», который вызывает доверие у аудитории. То есть образ оратора рассматривается в основном опять-таки с позиций достижения силы воздействия на слушателей, как инструмент убеждения. Если стилистика рассматривает образ автора во всей его многосторонности и как первопричину создания стилевой специфики его творений (текстов), то для риторики важен аспект степени эффективности воздействия оратора на аудиторию в плане достижения им поставленной цели в процессе общения, результативности последнего.

Понятие цели общения также имеет отличительные смысловые нюансы в функциональной стилистике, по сравнению с риторикой (а также прагматикой, психолингвистикой); о чем нам уже приходилось писать (*Очерки...* 1996: 21-22, 43; *См. также:* Лузина 1991).

Таким образом, риторика и функциональная стилистика, имея своим объектом речь, исследуют его далеко не однозначно.

Как отмечалось, речь, будучи весьма сложным объектом, изучается целым комплексом – в том числе новейших – наук, каждая из которых рассматривает ее с какой-то одной особенно значимой для данной науки стороны (ср. психолингвистику, прагматику, лингвистику текста, социолингвистику, нейролингвистику, лингвосоциопсихологию, не говоря уж о литературоведении, поэтике, логике, философии и др.). У каждой из них при изучении речи свой предмет исследования, отражающий одну из сторон речи. При этом, как известно, в

комплексе речеведческих дисциплин предмет исследования каждой из них, к сожалению, не всегда четко обозначен и не имеет жестких границ; в каких-то отдельных аспектах (и проблемах изучения) эти дисциплины пересекаются и совмещаются¹⁷. Риторика и стилистика особенно близки между собой, но все же каждая из них, изучая речь, рассматривает ее в своем ракурсе. Поэтому, нам кажется, неверно говорить, что риторика изучает речь вообще (как и в целом общение). В этом случае она отождествлялась бы (сливалась) с целым комплексом речеведческих дисциплин, речевидением в целом, что нежелательно, поскольку у каждой этой дисциплины имеется свой предмет; не может риторика все их суммировать. Она лишь опирается на некоторые данные смежных наук, использует их, но рассматривает под своим углом зрения. Все это, конечно, касается и стилистики (или прагматики и т.д.). Риторика исследует речь в каком-то своем аспекте, составляющем предмет ее изучения.

В целом, не говоря уж о стилистике языковых единиц, иначе «стилистике ресурсов», в которой коммуникативно-функциональный, речеведческий аспект представлен лишь в снятом виде (в потенции), функциональная стилистика как собственно речеведческая дисциплина явно отличается от риторики по своему предмету (цели изучения речи, текста). Ее предмет – сама речевая (текстовая) ткань высказывания, организация речи, создаваемая закономерностями функционирования языка в той или иной социально значимой сфере общения, детерминирующей специфику соответствующей речевой разновидности. А также – если брать стилистику в целом (вместе со стилистикой языка) – выразительные средства и возможности языка. Все это – в обобщенном, типологическом плане, хотя, естественно, исходной позицией оказывается конкретный текст. Мы уже оговорили, что вопрос индивидуального стиля и образа автора, долгое время остававшийся дискуссионным и отдававшийся на откуп поэтике, теперь обычно включается в проблематику стилистики. Однако рассмотрение этого вопроса, оставаясь актуальным, составляет, однако, особую проблему.

Из сказанного видно, что стилистика – это собственно лингвистическая дисциплина в русле лингвистики речи, изучающая язык в определенном речеведческом аспекте.

Риторика же – дисциплина не только лингвистическая, так как она сосредоточивается на изучении не столько собственно языковой

«ткани» речи, сколько на проблемах достижения целей и результатов высказывания в процессе общения посредством, правда, искусной и целесообразной речи. Иначе говоря, речь (как реализация языка в процессах коммуникации), в том числе и ее стилистика, оказываются для риторики лишь средством достижения и реализации целей общения в широком смысле, включая управление обществом, закономерности речевого поведения в различных ситуациях речевой деятельности с целью достижения эффективных результатов

Таким образом, это наука – теория и практика – не столько (или – не только) о речи, сколько об эффективности речевого общения (это – ее предмет) и в известной степени – речевого поведения, о проблемах достижения посредством речи результативности общения, его оптимизации¹⁸.

Указанное различие сопоставляемых дисциплин подтверждается и анализом наиболее актуальных, приоритетных для той и другой отрасли знания экстралингвистических факторов, или социокультурного (и ситуативного) речевого контекста. У них большое «поле совмещения», и все же у риторики в этом плане, если так можно выразиться, прагматический акцент, а у функциональной стилистики – социо-когнитивный.

Тем самым, стилистика и риторика – это разные науки, хотя и с общим объектом (речь), но со своими в каждой предметом и задачами исследования, имеющими, однако, по ряду параметров «зоны» пересечения и совмещения. При этом, если в историческом аспекте стилистика составляла одну из частей риторики (*elocutio*) и затем «вышла» из последней, то в настоящее время – в связи с развитием стилистики и переосмыслением и расширением предмета риторики – эти науки значительно разошлись¹⁹.

Между прочим сходство и различие этих дисциплин хорошо обнаруживается при сопоставлении методики анализа конкретных текстов. Ср., например, анализ речи, выступлений политических деятелей (И.Сталина, А.Гитлера и др.) в работах по риторике (например, у А.К.Михальской 1996 – в аспекте поиска риторического типа и риторического идеала). Сам анализ речи (его описание) чрезвычайно близок к стилистическому анализу конкретных текстов (пусть тех же деятелей). Но угол зрения, подход и акценты – другие: стилистическое исследование изучает **каков** тот или иной текст, **как** он устроен (средства его выражения, его организация, стилевое своеобразие и

т.п.), риторiku же, учитывающую все это (но и многое другое), интересуется **каким образом** данный текст (благодаря каким средствам и способам) **воздействует** на адресата, посредством каких сторон текста и фонового контекста достигается наибольшая эффективность общения – получение необходимых результатов проводимой политики, т.е. управление аудиторией (ее мыслями, действиями, поступками). Иначе говоря, в последнем случае налицо аспект речевого общения и поведения с целью управления адресанта адресатом (в широком смысле).

Тем самым хотя анализируются языковые и стилистические средства и их функции в речи (темп речи, сравнения, повторы, антитезы, клише и штампы, приемы контраста, излюбленные фигуры, индивидуальные особенности стиля речи говорящего), но под углом зрения задач построения именно такой речи, «которая должна служить эффективным средством воздействия на массу» (Михальская 1996: 97, 128, 129, 131, и след.). Поэтому определение функций исследуемых лингвостилистических средств при риторическом анализе текста связано с учетом различных социально-политических и общественно-психологических показателей (например, прием контраста и отрицательные оценочные выражения в связи с образом врага; характер адресата и отношение лидера к нему в данной социальной ситуации; стратегия мобилизации общественного мнения; апелляция к чувству и убеждение с помощью веры; учет коллизий политической ситуации в речевых аналогиях и т.д.). Причем названные экстралингвистические факторы становятся содержательным объектом анализа, вследствие чего последний не ограничивается языковедческим аспектом. Лингвостилистическое и экстралингвистическое сливаются, составляя единство, порой с доминированием последнего.

Рассматриваемый в настоящей статье вопрос отнюдь не ограничивается вопросом о предмете и границах соотносимых дисциплин. Может быть, это не столь уж важно для науки, хотя и актуально, учитывая размытость границ многих новейших дисциплин (о чем говорят ученые), особенно речеведческого плана. Однако несомненно имеет большое значение определение тех аспектов, проблем, методов исследования, которые отличают одну из новых наук от другой²⁰, в частности стилистику от риторики. Это важно в теоретическом плане с учетом современной ситуации филологического знания, когда подчас возникает (и даже декларируется) представление, что риторика

«поглотила» стилистику; между тем как у стилистики имеется большой круг проблем, не рассматриваемых современной риторикой (и наоборот). Квалификация многих стилистических фактов и явлений как риторических, наблюдаемые в современных работах по практической неориторике, – следствие недостатков и неясности теоретической стороны рассматриваемого вопроса. И если для учителя средней школы допущение этих фактов простительно, то в теоретическом плане – нежелательно.

Мы попытались наметить лишь некоторые вопросы большой проблемы, осознавая в то же время возможную дискуссионность некоторых положений и суждений.

Примечания

¹ См. например: Н.А.Безменова (1989, 1991), Л.К.Граудина, Г.И.Миськевич (1989), Ю.В.Рождественский (1997), St.Gajda (1995), J.Kraus (1981), J.Mistrik (1978) и др.

² Правда, следует учесть исследование С.И.Гиндина, который считает, что мнение Р.Барта, Т.М.Николаевой и др. о возможности признать риторiku «донаучной теорией текста» преувеличено, так как риторики всегда исследовали лишь частные разновидности текстов и не нуждались в наджанровом понятии текста (Гиндин С.И. *Что знала риторика об устройстве текста?* – „Риторика” 1(3), 1996, с. 35 и др.).

³ Ср.: «... риторика неразрывно связана со спецификой античного мышления..., категории риторики есть одновременно и категории мысли. Следовательно, мысль неотделима от речи...» (Пешков, 1998, с. 21). Ср. также: «Риторический логос – это аргументация в речи, связанная с пониманием действительности» (Зарецкая, 1998, 4).

⁴ Впрочем, известны и самостоятельные работы и разделы о стиле; см. например: Деметрий, *О стилях* (IV в. до н.э.).

⁵ См. Безменова Н.А., *Очерки по теории и истории риторики*. М., 1991; она же, *Проблемы формирования основного фонда понятий лингвистической стилистики в парадигме риторики*. – *Проблемы современной стилистики*. ИНИОН. М., 1989.

⁶ Кстати, о трудностях определения предмета риторики говорят многие ученые, в частности и о его «традиционной неуловимости» – Пешков (1998, 18).

⁷ Хотя А.К. Михальская, например, высказывается против прямолинейного «включения» проблем этиологии (в том числе речевого поведения) в риторiku, что в целом справедливо. Однако в своих работах она нередко, говоря о предмете и проблемах риторики, подключает к ним и вопросы речевого поведения. (См.: Михальская А.К. *Риторика и этиология. – Предмет риторики...* М., 1998, с. 29, 34-35).

⁸ См., например: *Предмет риторики и проблемы ее преподавания. Материалы 1 Всерос. конфер. по риторике.* М., 1998; *Формановская Н.И. Соотношение риторики и речеведческих дисциплин. – Риторика в современном образовании. Тезисы докладов. 3 Межд. конфер. по риторике.* М., 1999 и др.

⁹ Имеется в виду рациональная риторика, завершающая ломоносовской эпохой свой классический период. Но и применительно к современности «задача риторики есть умение изобретать мысли и действия и облекать их в такую речевую форму, которая отвечает обстоятельствам» (там же, с. 10).

¹⁰ См. сводку целого ряда определений риторики в соч.: Аннушкин В.И. *Риторика и культура речи современного общества – Риторическая культура в современном обществе. Тезисы IV Межд. конференции по риторике.* М., 2000. См. также В.И. Аннушкин (1996: 106).

¹¹ См. также точки зрения Н.И. Формановской (указ. соч. 1999), Т.В. Шмелевой (1998), Н.С. Болотновой (1999).

¹² Ср: «Общие места – это категории содержания речи, проверенные историческим опытом людей и поэтому правильные»; «Для убедительности изложения... необходимо держаться общих мест» (Зарецкая 1998: 269, 271). Однако и для каждой аудитории есть определенные области содержания, которые признаются правильными.

¹³ Конечно, и о речи тоже, но только в определенном ее аспекте (или аспектах).

¹⁴ Так, представители новых направлений лингвистики XX в. называют следующие факторы речевой ситуации, ситуативного контекста: говорящий, слушающий, некие «определенные условия» (Дж. Серл); более детализированную характеристику дает Д. Хаймс: участники речевой ситуации, предмет речи, обстоятельства (место, время и др.), канал общения (устная- письменная речь), код (язык, диалект, стиль), речевой жанр, цель (достижение результата речи) и др.

¹⁵ Различие приоритетных комплексов экстралингвистических факторов в риторике, с одной стороны, отечественной (а также в известном смысле чехословацкой) функциональной стилистике, с другой, объясняется историей их развития в новый период. В частности, тем, что риторика (и неориторика) идет от структуры речевого акта говорящих (намеченной еще Аристотелем) и

конкретных целей общения, а функциональная стилистика исходит из сущности языка как специфического признака человека и функционирования (использования, употребления) языка в разных сферах общения, специфика которого детерминирована указанным единством формы общественного сознания с соответствующим ей видом деятельности. То есть эти дисциплины подходят к рассмотрению своего объекта с разных сторон, идут разными путями, учитывая, однако, достижения той и другой науки. С большой долей условности можно сказать, что если риторика в определении своего предмета идет от *Homo verbo agens* (человек, действующий словом, говорящий, общающийся), то лингвостилистика, не отвлекаясь от этого, исходит от *Homo sapiens*. (Речь идет о смысловых акцентах, приоритетности смыслов).

¹⁶ Иначе говоря, в риторике само понимание диалога очень широко: оно выходит за рамки лингвистической характеристики дискурса и включает в себя понятия организации дебатирования (дискуссии, полемики). Для стилистики же значимы как узколингвистическое понимание диалога, так и текстовая категория диалогичности (Кожина 1986, 1998, Красильникова 1999, Колокольцева 2000 и др.).

¹⁷ О нечеткости границ некоторых новейших дисциплин см. в ЛЭС (Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.), а также: «прагматические исследования естественных языков обнаруживают тенденцию к стиранию границ между лингвистикой и смежными дисциплинами (психологией, социологией и этнографией), с одной стороны, и соседствующими разделами лингвистики (семантикой, риторикой, стилистикой) с другой (Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. *Итоги, проблемы и категории прагматики*. НЗЛ. Вып. XVI. М., 1985, с. 4).

¹⁸ Необходимо оговорить затронутый вопрос о степени лингвистичности рассматриваемых дисциплин. Это критерий достаточно условный, предполагающий подход с позиций лишь лингвистики языка (строения языка) в отвлечении от лингвистики речи. Но с учетом изменения парадигмы современного языкознания, обратившегося в последние десятилетия к изучению речи, речевой деятельности и общения, неизбежно «захватывающих» широкий коммуникативный социокультурный и ситуативно-прагматический контекст, понятие «лингвистичности» и предмета языкознания значительно расширяется. Поэтому-то мы и говорим об условности указанного критерия (и признака). Вероятно, стоило бы сказать о наиболее приоритетных аспектах феномена «речь» у той и другой, избранных для исследования, дисциплин. Обе науки, будучи речеведческими, акцентируют свое внимание на разных сторонах объекта.

¹⁹ Если даже, как иногда делают, выделять особо лингвориторику, что значительно сужает предмет исследования (но вместе с тем – задачи и

назначение риторики в обществе), то все же стилистика и риторика сохраняют свою самостоятельность, хотя при этом и более сближаются.

²⁰ Одну из последних попыток в этом плане см. в статье О.Б.Сиротининой, В.Е.Гольдина (2000).

Литература

- Аннушкин В.И., 1996, *Кто же автор и составитель анонимной «Теории словесности» 1851-1860 годов?* – *Риторика*, № 1, Москва.
- Аннушкин В.И., 2000, *Риторика и культура речи в современном обществе. – Риторическая культура в современном обществе, Тезисы IV Международной конференции по риторике*, Москва.
- Античные риторики*, 1978, Изд-во МГУ, Москва.
- Античные теории языка и стиля (антология текстов)*, 1996, Санкт-Петербург.
- Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В., 1985, *Итоги, проблемы и категории прагматики. – Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI*, Москва.
- Безменова Н.А., 1991, *Очерки по теории и истории риторики*, Москва.
- Безменова Н.А., 1989, *Проблемы формирования основного фонда понятий лингвистической стилистики в парадигме риторики. – Проблемы современной стилистики. Сб. ИНИОН*, Москва.
- Болотнова Н.С., 2000, *О связи риторики и коммуникативной стилистики текста в речеведении. – Риторическая культура в современном обществе, Тезисы IV Международной конференции по риторике*, Москва.
- Виноградов В.В., 1963, *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*, Москва.
- Винокур Г.О., 1959, *Избранные работы по русскому языку*, Москва.
- Волков А.А., 1996, *Основы русской риторики*, Москва.
- Волков А.А., 1998, *Словесность в школьном образовании. – Предмет риторики и проблемы ее преподавания, Материалы Первой Всероссийской конференции по риторике*, Москва.
- Гиндин С.И., 1996, *Что знала риторика об устройстве текста?* – *Риторика*, № 1 (3), Москва.
- Граудина Л.К., 1997, *Риторика. – Русский язык. Энциклопедия*, Москва.
- Граудина Л.К., Миськевич Г.И., 1989, *Теория и практика русского красноречия*, Москва.
- Зарецкая Е.Н., 1998, *Риторика: Теория и практика речевой коммуникации*, Москва.
- Кожина М.Н., 1986, *О диалогичности письменной научной речи*, изд-во Перм. ун-та, Пермь.

- Кожина М.Н., 1998, *Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста. – Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв., т. 2, Стилистика научного текста, ч. 2, Категории научного текста: функционально-стилистический аспект, Изд-во Перм. ун-та, Пермь.*
- Колокольцева Т.Н., 2000, *Роль диалога и диалогичности в современном коммуникативном пространстве. – Проблемы речевой коммуникации. Изд-во Саратов. ун-та, Саратов.*
- Красильникова Л.В., 1999, *Жанр научной рецензии: семантика и прагматика, Изд-во МГУ, Москва.*
- Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, Москва.*
- Лотман Ю.М., 1995, *Риторика. – Риторика, № 2, Москва.*
- Лузина Л.Г., 1991, *Проблемы стилистики в лингвопрагматической интерпретации. – Прагматика и стилистика, сб. ИНИОН, Москва.*
- Львов М.Р., 1996, *Риторика, Учебное пособие для учащихся 10-11 кл., Москва.*
- Михальская А.К., 1996, *Русский Сократ, Лекции по сравнительно-исторической риторике, Москва.*
- Михальская А.К., 1998, *Риторика. – Педагогическое речеведение, Словарь-справочник, Москва.*
- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Т. 1, Стилистика научного текста (общие параметры), 1996, Изд-во Перм. ун-та, Пермь.*
- Панов М.И., 1998, *Софистика. – Педагогическое речеведение. Словарь-справочник, Москва.*
- Пешков И.В., 1998, *Введение в риторику поступка, Москва.*
- Программа по риторике и русской речи. Сборник (Составители: Н.А.Купина и С.А.Минеева), 1995, Изд-во ЗУУНЦ, Пермь.*
- Предмет риторики и проблемы ее преподавания, Материалы Первой Всероссийской конференции по риторике, 1998, Москва.*
- Путь в риторику, вып. 1, 1994, Изд-во ЗУУНЦ, Пермь.*
- Рождественский Ю.В., 1997, *Теория риторики, Москва.*
- Сиротинина О.Б., 1998, *Риторика как составляющая система наук об общении. – Предмет риторики и проблемы ее преподавания, Материалы Первой Всероссийской конференции по риторике, Москва.*
- Сиротинина О.Б., Гольдин В.Е., 2000, *Речевая коммуникация и ее изучение. – Проблемы речевой коммуникации, Изд-во Саратов. ун-та, Саратов.*
- Формановская Н.И., 1999, *Соотношение риторики и речеведческих дисциплин. – Риторика в современном образовании, Тезисы докладов 3-ей Международной конференции по риторике, Москва.*
- Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999, *Общая риторика. Курс лекций, Ростов-на-Дону.*

- Шмелева Т.В., 1998, *Риторика и речеведение. – Предмет риторики и проблемы ее преподавания, Материалы Первой Всероссийской конференции по риторике*, Москва.
- Gajda St., 1995, *Styl i stylistyka. Zagadnienia ogolne. – Przewodnik po stylistyce polskiej*, Opole.
- Данель Ф., 1995, *Stylistika – textová lingvistika – rütorika. – Stylistyka, IV*, Opole.
- Kraus J., 1981, *Rütorika v düjínach jazykovü komunikace*, Praha.
- Mistrik J., 1978, *Rütorika*, Bratislava.

Stylistics and Rhetoric in their Interaction

The article considers the question of the subject of stylistics and rhetoric in their correlation. Similar and distinctive features of these disciplines are analyzed, i.e. the aims and purposes of research, their extralinguistic foundations, and methods of the material research. Rhetoric is viewed as the integrated one in the complex of humanity studies of communication.